

УДК 82.091

В. В. Милославская**МИФОПОЭТИКА И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ РАСШИРЕНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА СКАЗКИ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ
«ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ»**

В статье рассматриваются основные приемы и методы литературоведения в ситуации постмодернизма на примере творчества одних из крупнейших советских фантастов Аркадия и Бориса Стругацких. Сказка «Понедельник начинается в субботу» – первое и достаточно сложное по своим интертекстуальным связям произведение, которое одновременно являет собой систе-

му трансформаций авторами «чужих» или «своих» текстов, построенную по различным моделям.

Ключевые слова: постмодернизм, эстетика, научная фантастика, братья Стругацкие, многоуровневая организация текста, миф, мифопоэтика, интертекстуальность, пространство текста.

V. V. Milovslavskaya**MYTHOPOETICS AND INTERTEXTUALITY AS A WAY TO EXTEND THE ARTISTIC SPACE
IN THE TALE BY THE STRUGATSKY BROTHERS «MONDAY BEGINS ON SATURDAY»**

The article discusses basic techniques and methods of literary studies under the conditions of postmodernism on the example of one of the greatest Soviet science fiction writers Arkady and Boris Strugatsky. The tale “Monday begins on Saturday” is the first and rather complex in terms of intertextual relations work of the writers. The tale represents

a system of transformations of “the others” texts as well as the authors’ “own” texts, built on different models.

Key words: postmodernism, aesthetics, science fiction, Strugatsky brothers, multi-level organization of the text, myth, mythopoetics, intertextuality, text space.

Миф как «вторичная семиологическая система» [1, с. 78] служит знаком, кодом, отсылкой, порождающей «объемные», пластичные, образы и структуры, которые обеспечивают поливариантное прочтение текстов.

Весьма закономерным является обращение писателей к мифологическими архетипами соцкультуры, мифофольклорным сюжетам, идеям, образам, мотивам, но помещенным в создаваемую художественную реальность, в некое новое субпространство.

Сказка «для научных сотрудников младшего возраста» «Понедельник начинается в субботу» – первое произведение братьев Стругацких, написанное в жанре сказочной фантастики. Но сказочные персонажи здесь пересматриваются, перерабатываются, пародируются. Происходит демифологизация сказочных образов, переносный смысл

воспроизводится буквально, что приводит к конструированию картины мира, основанной на абсурдности бытия. Это отсылает нас к поэтике постмодернизма, по крайней мере, в начальной его форме, в той форме, о которой мы можем говорить, учитывая приоритет советского типа мышления в эпоху социализма.

Так, золотая рыбка в сказке «Понедельник начинается в субботу» убита глубинной бомбой, щука, исполняющая желания, жалует на ревматизм и плохое зрение, ученый кот (здесь кот Василий) показывается склеротиком, который не может вспомнить до конца ни одной сказки.

Особое внимание хотелось бы уделить одному из персонажей «Понедельника...» – Наине Киевне Горыныч. По теории В.Я.Проппа, в волшебных сказках Баба Яга – основной персонаж в обряде инициации ге-

роя, а именно – когда он пересекает границу между миром живых и миром мертвых. Герой «Понедельника...» – Александр Привалов – следует ритуальной схеме волшебной сказки. Он едет через лес, где встречает двух попутчиков. Вместе с ними герой приезжает в сказочный город и попадает в НИИЧАВО – волшебнo-сказочный Иной Мир – мир, где происходят его приключения, но до этого он должен переночевать на границе миров у Бабы Яги – Наины Киевны Горыныч (смотрительницы институтского музея «Изнакурнож»). Имя ее немедленно вызывает ассоциации со злой ведьмой в поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», которая, в свою очередь, является литературной вариацией Бабы Яги из волшебных сказок. Переключка текстов братьев Стругацких и Пушкина несет в себе искажение: Баба Яга носит валенки и галоши, на голове у нее косынка с «надписями на разных языках «Международная выставка в Брюсселе»» [4, с. 433]. Само знакомство Наины Киевны с главным героем представляет собой смесь бюрократической анкеты с традиционными формулами цыганского гадания:

«— Таким вот образом, Наина Киевна! — сказал горбоносый, подходя и обтирая с ладоней ржавчину. — Надо нашего нового сотрудника устроить на две ночи. Позвольте вам представить... м-м-м...

— А не надо, — сказала старуха, пристально меня рассматривая, — сама вижу. Привалов Александр Иванович, одна тысяча девятьсот тридцать восьмой, мужской, русский, член ВЛКСМ, нет, нет, не участвовал, не был, не имеет, а будет тебе, алмазный, дальняя дорога и интерес в казенном доме, а бояться тебе, бриллиантовый, надо человека рыжего, недоброго, а позолоти ручку, яхонтовый...» [4, с. 433–434].

Значительно перерабатывается и образ Кощея Бессмертного. Сказочный злодей предстает в тексте Стругацких арестантом, приговорив которого к смертной казни, судьи «окажутся в очень странном положении: смертную казнь к бессмертному преступнику применить невозможно, а вечное заключение, если учесть предварительное, он уже

отбыл...» [4, с. 513]. Заключение обитает в камере, которая является комфортабельным кабинетом с коврами и кондиционером. Кощея высоко ценят в НИИЧАВО, поскольку, он служит переводчиком для Змея Горыныча.

Искажаются не только волшебнo-сказочные персонажи, но и библейский текст: «Да, они знали кое-какие заклинания, умели превращать воду в вино, и каждый из них не затруднился бы накормить пятью хлебами тысячу человек» (4, с. 532), далее следует замечание: «Это была шелуха, внешнее» [4, с. 532]. Краткость и разговорный стиль этого замечания в сочетании с высоким стилем библейского оригинала формируют несоответствие двух пластов повествования и определяют взаимопроникновение «высокого» и «низкого». Происходит десакрализация священного текста.

Усиление десакрализации сакрального текста обнаруживает себя в одном из центральных эпизодов «Понедельника...» – эпизоде об экспериментах по созданию моделей «идеального человека». Здесь комически перерабатывается миф о сотворении человека.

Профессор-экспериментатор Амвросий Выбегалло рассматривает задачу сотворения искусственного человека как в «научной», так и в «деловой» манере: «Нехитрую эту идею он пробивал всячески, размахивая томами классиков, из которых с неопиcуемым простодушием выдирает с кровью цитаты, опуская и вымарывая все, что ему не подходило. В свое время ученый совет дрогнул под натиском этой неудержимой, какой-то даже первобытной демагогии, и тема Выбегаллы была включена в план. Действуя строго по этому плану, старательно измеряя свои достижения в процентах выполнения и никогда не забывая о режиме экономии, увеличении оборачиваемости оборотных средств, а также о связи с жизнью, Выбегалло заложил три экспериментальные модели...» [4, с. 500].

Профессор Выбегалло разрабатывает три экспериментальные модели: модель Человека, неудовлетворенного полностью;

модель Человека, неудовлетворенного желудочно; модель Человека, полностью удовлетворенного.

Лаборатория, где проводятся эксперименты, называется «Родильный Дом»: «Здесь, по утверждению профессора Выбегаллы, рождались в колбах модели идеального человека. Вылуплялись, значить. Компране ву?» [4, с. 521]. Использование глагола «вылуплялись» вместо «рождались» уже снижает пафос самой идеи создания «идеального человека».

Сотворение первой модели упомянуто только мимоходом: «Полностью неудовлетворенный антропоид поспел первым – он вывелся две недели назад. Это жалкое существо, покрытое язвами, как Иов, полуразложившееся, мучимое всеми известными и неизвестными болезнями, невероятно голодное, страдающее от жары и холода одновременно, вывалилось в коридор, огласило институт серией нечленораздельных жалоб и издохло» [4, с. 500].

О рождении второй модели рассказывается очень подробно и отмечается, что «кадавр» (модель) является точной копией самого профессора (создан «по образу и подобию...»). Это сходство можно рассмотреть с разных сторон: модель – это «дубль» профессора Выбегалло, что является частой практикой среди ученых НИИЧАВО (сотрудники института создают себе помощников – свои точные копии, которые механически выполняют поставленные задачи), модель – попытка профессора на роль Творца.

Модель неудовлетворена желудочно, она постоянно голодна, и каждый раз, чтобы насытиться ей требуется все больше пищи. Кадавр испытывает удовлетворенность на примитивном уровне, что не соответствует высокой идее проекта. Духовные потребности у него отсутствуют полностью: ему предоставляют магнитофон, но «идеальный человек» лишь пробует магнитофонную пленку на вкус.

После взрыва модели Человека, неудовлетворенного желудочно, профессор приступает к созданию третьей модели – модели Человека, удовлетворенного полно-

стью, идеального потребителя. Проведение эксперимента представляет собой катастрофу: модель обладает сокрушительной силой, способна вызывать стихийные бедствия, но ее интересы сводятся к поглощению «товаров народного потребления».

Козловски утверждает, что тот же самый эпизод пародирует произведения русской и мировой литературы («Братья Карамазовы» Ф. Достоевского и «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле). «Модель желудочно неудовлетворенного человека является пародией на «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле, а именно на сцены рождения и Гаргантюа и Пантагрюэля и на их гротескные пиры... Теория Выбегалло, «все беды, эта, от неудовольствия проистекают...» является пародийной аллюзией на произведение Ивана Карамазова «Легенда о Великом Инквизиторе» из «Братьев Карамазовых»» [5].

Стругацкие искажают и трансформируют эти тексты. Так, если пиршественные образы Рабле – это восхваление и празднование жизни, то обжорство в сказке Стругацких – разрушительно (в финальной сцене кадавр взрывается). Теория профессора Выбегалло о том, что удовлетворение материальных потребностей готовит почву к удовлетворению потребностей духовных, являет собой «аллегорический набросок экономической теории цивилизации, утверждающей, что если бы не потребность в наполнении желудка, у человека не было бы достаточно стимулов для развития искусств и наук, и он бы оставался погрязшим в варварстве» [5].

Самое интересное, что наиболее яркими и запоминающимися в тексте являются именно эти художественные опосредованные «расшифровки» волшебного-сказочных образов и сведение их в ироничный контекст. Здесь проявляется одно из отличительных свойств постмодернизма, заключающееся в том, что постмодернистская ирония, метко определяемая критикой как «высказывание в квадрате», позволяет участвовать в метаязыковой игре и тем, кто ее не понимает, воспринимая совершенно серьезно, а постмодернистские иронические

коллажи могут быть восприняты зрителем как сказки, пересказы снов. В идеале «постмодернизм оказывается над схваткой реализма с ирреализмом, формализма с «содержанизмом», снося стену, отделяющую искусство от развлечения» [2, с. 51].

Рассматриваемые образы преломляются в комедийном освещении и получают новую смысловую нагрузку, сохраняя за собой и первоначальное значение, а интертекстуальные пласты, переплетаясь, образуют своеобразную мифопоэтическую константу этого текста. Мифологическое пространство текста сказки «Понедельник начинается в субботу» насыщается расширенными значениями. Разрушение пространственных, хронологических границ, нарушение логики развития сюжетной линии органично встраивают персонажей и сюжеты русской сказки в структуру научной реальности XX века. Это обеспечивает возможность поливариантного прочтения текста.

Мифологизм, интертекстуальность, цитатность, ирония осуществляют в тексте «сказки для научных сотрудников младшего возраста» «Понедельник начинается в субботу» стратегию слияния элементов массового и элитарного дискурсов в неразделимый комплекс и обеспечивают отображение постмодернистского постулата «Мир-как-Текст», отражающего вариативность и незафиксированность самого текста.

«Мифологизм постмодернистского текста, деконструирующий мифемы, переводящий и обогащающий их, таким образом, новыми смыслами и идеями, делая более доступными, вводит в современную реальность (или, наоборот, современную реальность в архаическую мифологическую систему), приобщая, зачастую опосредованно, к вековым культурным ценностям, десакрализует мифы и заставляет задуматься о времени настоящем и т. д.» [3, с. 171].

Повествователь создает действительность, знакомую и массовому, и элитарному читателю, отталкиваясь от канонических характеристик действительности и уже имеющих систему множественного существования в различных текстах, фольклоре. Постмодернизм снимает противопоставление между «высоким» и «низким» в литературе, объединяя их в единой культурной парадигме, связывая в глобальный гипертекст.

Традиции «Понедельника» были продолжены В. Пелевиным в романе «Шлем ужаса. Креатифф о Тесее и Минотавре», где также происходит демифологизация пространства текста. Непреходящие значения архаического мифа в романе насыщаются современными значениями и облекаются в ультрасовременную форму. Как братья Стругацкие пишут сказку о сказке (что подчеркивается в подзаголовке произведения «сказка для научных сотрудников младшего возраста»), так Пелевин создает миф о мифе.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
2. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб., 2000.
3. Санькова А.А. Картина мира постмодернистской литературы: типология массового и элитарного. Дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007.
4. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Понедельник начинается в субботу // Собр.соч. в 11 т. Т.3. Донецк, 2002.
5. Kozlovsky E.Z. Comic codes in the Strugatskys tales: «Monday Begins On Saturday» and «Tales of the Troika». [Электронный ресурс] // URL: http://fan.lib.ru/a/ashkinazi_I_a/text_2120.shtml . (Дата обращения: 27.04.2014).